

УДК 82.112.2(436)(091)(092)"19"

**«ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВОЗМОЖНО, И ЕСТЬ
САМА ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА...»:
ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В РОМАНЕ Э.ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»**

Елена Сергеевна Ярина

**преподаватель кафедры языкового и литературного образования
Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации
работников образования**

454000, Челябинск, ул. Красноармейская, 88. lenayarina@yandex.ru

В статье рассматривается роман Э.Елинек «Похоть», в котором писательница обращается к традиционной для нее теме самоидентификации человека. Авторская мысль об отсутствии подлинной индивидуальности в современном мире получает свое художественное воплощение в образах героев романа. Персонажи «Похоти» схематичны, безлики не только в плане внешности, но и с точки зрения внутреннего мира. Лишенные характеров, они предстают как однолинейные фигуры, сущность которых ограничивается половой принадлежностью, а способ самоопределения сближается с «рыночной ориентацией личности» (Э.Фромм).

Ключевые слова: австрийская литература; Э.Елинек; «Похоть»; проблема самоидентификации; система образов; литературный характер.

«Похоть» – одно из самых скандальных и провокационных произведений Э.Елинек. Написанный в 1989 г., роман до сих пор является предметом споров критиков, обвиняющих автора в порнографии. Вместе с тем, «Похоть» оказалась и наиболее коммерчески успешным проектом австрийской писательницы: только за первые пять месяцев было продано 90 000 экземпляров, и роман занял пятое место в списке бестселлеров Spiegel.

Действие романа разворачивается в небольшой австрийской деревне, известном горнолыжном курорте (Мюрццушлаг, Штирия). Автор изображает семейную жизнь директора местной бумажной фабрики Германа и его жены Герти. При этом большую часть повествования составляют описания ежедневного подавления/ насилия над Герти со стороны мужа. Однажды она уходит из дома, встречает студента Михаэля и влюбляется в него. Но Михаэль, воспользовавшись героиней, возвращает ее домой к мужу. В финале Герти убивает сына и сбрасывает его тело в ручей.

Несмотря на, казалось бы, неправдоподобность описываемой ситуации, роман прочно опирается на действительность. Вот как об этом говорила сама писательница: «Что касается романа “Похоть”, то я разговаривала с несколькими менеджерами фирм, и они мне говорили, что

ситуации, мною описанные, им вполне известны из жизни. <...> Кроме того, я опиралась на известное “дело Виллеминов”, связанное с убийством, произошедшим во французских Вогезах...» [Елинек 2006а: 222]. Действительно, роман шокирует своей откровенностью и жесткостью, однако, по мнению самой писательницы, обращение к непристойности обосновано и даже неизбежно, когда выявляется властная природа отношений мужчины и женщины [Jelinek 1988: 102]. Современный брак, закрепляющий неравное положение мужчины и женщины, по определению Э.Елинек, есть акт насилия. При этом, сексуальные и социальные отношения имеют общую природу подавления сильным слабым, поэтому в романе австрийской писательницы анализ порнографии оборачивается исследованием общества: «Меня интересовала тема похоти <...> прежде всего в ее социальном и политическом контексте» [Reininghaus 1988: 9]. Тем самым роман развивает главные темы творчества австрийской писательницы: критический анализ современного общества и человека, способы его самоопределения и самопознания, развенчание стереотипов, моделей поведения и мышления, которыми общество снабжает человека, создавая иллюзию осмысленности и наполненности жизни. Наряду с этим, в «Похоти» сохраняется и внимание Э.Елинек к теме семьи, которая оказы-

Ярина Е.С. «ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВОЗМОЖНО, И ЕСТЬ САМА ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА...»: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Э.ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»

вается своеобразным зеркалом, отображающим неблагополучие общества. Однако, если прежде писательница описывала в разных смыслах проблемные семьи (алкоголизм, бедность в «Любовницах», семейное насилие в романе «Перед закрытой дверью», неполная семья и сложные взаимоотношения матери и дочери в «Пианистке»), то «Похоть» переносит действие во внешне благополучную и счастливую семью директора бумажной фабрики. Перед героями данного романа не стоит задача определиться в социальном (вырваться из мелкобуржуазного класса, как в романе «Перед закрытой дверью») или семейном (обзавестись мужем и детьми, как в «Любовницах») положении, в их жизни, как кажется, все уже определено. Но с первых же страниц развешивается не только устоявшийся семейный уклад, но и иллюзия уникальности героев.

По словам Э.Елинек, «...наше «я» пребывает в вечной опасности, того и гляди – разорвется, словно обветшалая занавеска, и как в этом случае починить и заштопать его, ведь ткань расплзается у нас под руками? Некуда иголку воткнуть. Порой натыкаешься на одну пустоту» [Елинек 2006б: 181]. Нетрудно заметить, что в данном фрагменте не только постулируется утрата личностного «я», но и обнаруживаются попытки выявить природу современного человека. Собственно творчество австрийской писательницы и представляет собой процесс определения идентичности современного человека. Поскольку воплощение данной проблематики в произведениях писательницы во многом связано с героями, закономерным окажется обращение именно к анализу образной системы романа.

Первое, что обращает на себя внимание при чтении произведения, – это необычайный схематизм героев, которые, как справедливо отмечает Э.Фиддлер, лишены психологической глубины и способности развиваться [Fiddler 1994: 155-159]. Причем это относится как к центральным, так и к эпизодическим персонажам. Местные жители и отдыхающие предстают в романе как собирательные образы. Символичным в этой связи становится и то, что рабочие появляются у Э.Елинек в образе хора. Дело в том, что у директора бумажной фабрики есть хобби – хоровое пение. На своем производстве он собирает хор, в котором выступают рабочие в обмен на денежное вознаграждение. Их безликость усиливается и при помощи сравнения со стадом: «...мужчины смиренно стоят в своем загоне...» («...die Männer stehen in ihren Laufställen...») [Елинек «Похоть» 2006б: 10; Jelinek 2004: 9]¹.

Собственно само деление на главных и второстепенных героев условно. Хотя авторское вни-

мание сосредоточено на описании Германа и Герти, их образы едва ли можно считать более разработанными и психологически обоснованными по сравнению с образами эпизодических персонажей. Они в равной степени лишены индивидуальности: в романе практически полностью отсутствует не только развернутая личная история героев, но и индивидуальные портретные характеристики. Даже имена персонажей упоминаются лишь несколько раз (а имя сына Германа и Герти не звучит ни разу), зачастую автор обозначает их как мужчина и женщина, муж и жена. Так, в Германе воплощается властное, мужское начало, которое выражается в безмерном стремлении героя повелевать и обладать всем, что его окружает, а также в ненасытных сексуальных потребностях. Эти черты заложены и в семантике его имени, как отмечает А.Белобратов: «...в имени Herrmann удвоение властного: Herr – “господин” и Mann – “мужчина”» [Белобратов 2006: 315]. Действительно, Герман руководит бумажной фабрикой, от него зависят местные жители, которым он предоставляет работу, как муж он распоряжается собственной женой и ребенком. Его власть практически не ограничена, не случайно в романе он сравнивается с Богом: «Этот человек, суверенно правящий миром и каждому способный отмерить истину по своему разумению...» (с.7).

Герти олицетворяет женское, подчиненное начало. Она домохозяйка, и ее жизнь исчерпывается приготовлением пищи, прогулками с сыном, походами в магазин. В романе отсутствуют история жизни героини, описания ее душевных переживаний, внутренняя речь. Автор лишает ее даже собственного слова, подменяя его косвенной речью и своими комментариями. При этом автор констатирует типичность мыслей и чувств Герти: «Чувства переполняют ее, она должна выбить их из себя, как это делают наши влечения, если не запереть их как следует в подозрительную трубу нашего тела. Так сказано в книгах, в которых задешево можно узнать о себе все, ведь ты сам себе дорог» (с.119). Незначительность переживаний героини подчеркивается, например, следующим комментарием: «Кому охота слушать, как домохозяйка рассказывает, что ее душевное движение вызвано плачем ребенка или тем, что еда подгорела» («Wer hört den sonst zu, wenn die Hausfrau eine Bewegung landeinwärts macht, weil das Kind schreit oder das Essen anbrennt») (с.122; S.98).

Как и другие герои романа, Герти лишь приспособляется к окружающим обстоятельствам, она мирится даже с ежедневным насилием, как рабочие фабрики мирятся с однообразным, ме-

Ярина Е.С. «ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВОЗМОЖНО, И ЕСТЬ САМА ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА...»: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Э.ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»

ханическим трудом. При этом стоит отметить, что в данном подходе к образу героини Э.Елинек сближается и с другими австрийскими писателями второй половины XX в. В мучительных поисках себя, смысла жизни находится Элизабет из повести И.Бахман «Три дороги к озеру». Она так и не смогла пройти ни по одной из трех дорог к озеру своего детства. И это символично говорит о разрыве ее с прошлым. Пытаясь осмыслить свое существование, героиня повести К.Хайна «Чужой друг» обнаруживает, что единственным событием за последние месяцы стал переход на летнее время: «В марте было введено летнее время. Мы перевели стрелки на час раньше. Это явилось самым примечательным событием моей жизни за последние месяцы...» [Хайн 1987: 186-187]. Отчасти это можно объяснить общим для атмосферы второй половины XX в. ощущением распада времен, связей, потерей основ личностного самоопределения, что в сочетании со специфично «австрийским» чувством неприкаянности, не могло не отразиться на мировосприятии австрийских писателей.

Вместе с тем, особенностью героев Э.Елинек становится тот факт, что они не ощущают кризиса собственного самоопределения, пустоты и бессмысленности существования, они живут бессознательно. Предпосылкой же осмысления собственного «я», как однажды заявила Э.Елинек, является все то, что выходит за рамки удовлетворения физиологических потребностей: «Люди тоже могут приспособляться и обустроиваться (например, обустроить свою квартиру), они, подобно животным, тоже постоянно влияют на свою среду тварным образом, будь то процесс принятия пищи или дыхание, но именно все избыточное, что мы в состоянии породить, чем можем наслаждаться и что получает наше признание, есть предпосылка нашего осознания «Я» и познания как такового» [Елинек 2006в: 188]. Бытие Герти лишено всего избыточного, что могло бы стать основой самоопределения героини, она находится в полном подчинении у своего мужа, является его собственностью. Женский мир при этом принципиально не отличается от мира мужского, также ограниченного, но иными горизонтами: «...мужской мир включает в себя две тысячи выдающихся представителей спорта, политики, экономики и культуры...» (с.140); женский же связан с мужем и детьми. С точки зрения окружающих, у Герти счастливая семейная жизнь. Женщины деревни завидуют ее социальному статусу и благосостоянию. Однако автор с самого начала развенчивает это внешнее благополучие. Показывая ежедневное систематическое насилие и подавление женщины,

Э.Елинек, как пишет Т.В.Акашева, разрушает миф о женском счастье и о равноправии мужчины и женщины [Акашева 2009: 17]. За обеспеченную жизнь героиня расплачивается собственным телом. Именно совокупление с мужем составляет ее главное занятие, а во многом и смысл жизни, ведь «герой делает только то, что сам означает» [Фрейденберг 1997: 223]. В этом смысле весьма показательным оказывается заглавие романа Э.Елинек. Слово «Lust» в немецком языке означает не только «похоть», но и «удовольствие», «увлеченность», «потребность», «страсть», «желание». «Lust» оказывается центральной смысловой категорией романа, внутренней мотивировкой персонажей, поскольку в отсутствии внутренней индивидуальности природа героев исчерпывается их половой принадлежностью: «...половая принадлежность, возможно, и есть сама природа человека, я имею в виду, что природа человека заключается в том, чтобы гнаться за полом, пока он, человек, увиденный в целом и в его пределах, не приобретет такую же важность, как его пол» (с.98). При этом отметим, что в подобном понимании сущности человека Э.Елинек не одинока. Схожие рассуждения мы обнаруживаем в романе Т.Бернхарда «Стужа»: «Рабочие, которые здесь колобродят <...> живут только похотью, как и большинство людей, как и все люди <...> Все они знают лишь половую жизнь, а это не жизнь» [Бернхард 2000: 26-27]. Однако у Э.Елинек сексуальные влечения оказываются личностной доминантой, а все остальные потребности героев лишь дополняют ее. Так, склонность Германа к насилию и агрессии в сексуальной сфере продолжается в его главенстве на фабрике.

Подобное понимание личности определяет у Э.Елинек не только особенности построения персонажей, но и структуру повествования, ведь «...структура повествования, в значительной степени обусловленная концепцией личности, сама становится средством психологического анализа <...> Но она же отображает состояние мира...» [Лейтес 1993: 57]. В большинстве своем повествование в романе «Похоть» – это поток описаний совокуплений героев. В результате именно сексуальные отношения у Э.Елинек становятся ключом к пониманию природы человека. В этом смысле австрийская писательница приближается к рассуждениям Э.Фромма: «...нет такой сферы деятельности, в которой характер человека проявлялся бы точнее, чем в половом акте <...> Любовь человека, его нежность, садизм или мазохизм, жадность, нарциссизм или фобия – словом, любая черта его характера находит отражение в сексуальном поведении»

Ярина Е.С. «ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВОЗМОЖНО, И ЕСТЬ САМА ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА...»: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Э.ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»

[Фромм 2009: 391]. Выявление роли сексуальности в поведении современного человека позволяет писательнице вскрыть глубинные закономерности социальной жизни, ведь именно в сексуальных отношениях принципы патриархального общества заявляют о себе в полный голос. И здесь Э.Елинек отчасти продолжает линию австрийского же философа, психоаналитика З.Фрейда, который считал семейные отношения отражением социальных. Словом, сексуальность (похоть), организуя повествование романа, отражает и основы бытия.

Каким же образом строятся межличностные отношения в подобном мироустройстве? Контакты Герти с Германом, как уже было отмечено, исчерпываются повторяющимся унижением и насилием, поэтому образ героини в этих отношениях не развивается. Взаимопонимания не возникает и между героиней и ее сыном, ведь они практически не разговаривают: «Ее ребенок не в состоянии произнести ни одного искреннего слова <...> За пределами времени, отведенного на кормление, сын с матерью почти не разговаривает...» («Kein wahres Wort ist an diesem Kind dran <...> Der Sohn spricht außerhalb der Fütterungszeiten wenig mit seiner Mutter...») (с.14; S.12). Автор изображает разрушение устойчивых в обществе представлений об отношениях матери и ребенка, показывая полное отсутствие понимания и любви между ними. Самоопределение ребенка описывается автором по принципу фрейдовской идентификации, сын бессознательно отождествляет себя с отцом, а со временем их сходство будет только усиливаться: «...повзрослев, он запиликает на своей скрипке, став мужчиной и отцом по образу и подобию папиной фотографии в паспорте!» (с.47). При этом образ ребенка, как и все другие образы романа, статичен. У него, как и у его отца, уже сформировалось потребительское отношение к жизни: «...он и сам стал уже разборчивым потребителем, подолгу роющим в корзине с товарами...» (с.66). Отец и сын оказываются своего рода героями-двойниками. И вместе с тем именно ребенок образует мир женщины: «Ребенок выглядит увядшим, и все же он – весь ее мир» («Welk ist das Kind und dennoch ihre ganze Welt...») (с.312; S.254). Несмотря на это, убийство сына не углубляет характер героини, поскольку эта сцена выдержана в той же сдержанной манере, что и предшествующее повествование: «Мать несет ребенка, а когда ее охватывает усталость, она волочит его за собой по земле. Луна укрылась за нежным одеянием. Женщина доходит до ручья, и в следующее мгновение сын с облегчением соскальзывает в воду» (с.313). Как видно из приве-

денного отрывка, героиня действует бессознательно, механически, впрочем и прежние ее поступки не отличались осознанностью. Убийство не оценивается и не объясняется автором, потому что и самой героиней оно не осмыслится.

Названные выше особенности построения героев романа (схематизм, отсутствие индивидуальности как в портрете, так и во внутренних характеристиках, статичность) лишают их характеров в том смысле, который вкладывает в данное понятие М.М.Бахтин: «Характером мы называем такую форму взаимоотношений героя и автора, которая осуществляет задание создать целое героя как определенной личности, причем это задание является основным...» [Бахтин 1986: 160]. Э.Елинек же принципиально отказывается детализировать характеры своих персонажей, напротив, постоянно подчеркивает их безликость (и собственными комментариями, и схематичным сюжетом, в котором характеры не могут разносторонне проявиться). Все это высвечивает авторскую мысль об отсутствии индивидуальности в современном мире. Значимым в этом отношении оказывается неспособность героев меняться. Так, образ Герти не углубляется в эпизоде встречи с Михаэлем. Знакомство со студентом зарождает в героине мечты о романтической любви, но это вовсе не уникальные переживания, а все те клише и стереотипы, которыми изобилует массовая литература и телевидение. При этом важно отметить и то, что взаимоотношения Герти и Михаэля, представляя собой серию механических совокуплений, принципиально не отличаются от отношений Герти с мужем. Михаэль также использует Герти, не испытывая к ней никаких чувств. Автор вообще ставит под сомнение способность современного человека испытывать какие-либо чувства.

Как мы видим, в романе Э.Елинек есть герои, но нет характеров, нет «...целого героя как определенной личности...» [Бахтин 1986: 160]. Вместе с тем отсутствие индивидуальности позволяет соотнести персонажей Э.Елинек с типом личности, описанной Э.Фроммом. В своей работе «Человек для самого себя» исследователь рассматривает рыночную ориентацию характера современного человека. Сущностной особенностью данного типа личности исследователь считает отсутствие каких-либо индивидуальных качеств: «...некая-то постоянная доминирующая черта в характере человека – но пустота, которая максимально быстро может быть заполнена любым из требуемых на данный момент качеств» [Фромм 2010: 94]; «Личность с рыночной ориентацией должна быть свободна и еще раз свободна от всяких индивидуальных особенностей»

Ярина Е.С. «ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВОЗМОЖНО, И ЕСТЬ САМА ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА...»: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Э.ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»

[там же: 95]. Данная мысль о внутренней пустоте и отсутствии личностного начала довольно точно отражает природу героев Э.Елинек. Предпосылкой же формирования подобного типа личности является товарно-денежные отношения, которые пронизывают все сферы жизни современного общества, определяя в итоге и самовосприятие человека: «Ориентацию характера, для которого свойственно глубинное отношение к себе и другим людям как к товару, ценность которого определяется меновой стоимостью, я буду называть рыночной ориентацией» [там же: 85]. Этот аспект становится еще одной точкой соприкосновения австрийской писательницы и Э.Фромма. Дело в том, что в романе Э.Елинек мотив купли-продажи варьируется постоянно. Он возникает в описании внешнего облика героев: тело Герти сравнивается с копилкой, делается акцент на ее дорогой одежде: «Она одна стоит больше, чем половина местного населения вместе взятого» (с.8); «Отец набрасывается на материнскую копилку, где она хранит тайные припасы <...> он – единственный, кто опускает монеты в ее отверстие» (с.38-39).

Подобное восприятие человека, как указывает Э.Фромм, отражается на природе отношений между людьми: «Когда пренебрегают человеческой индивидуальностью, отношения между людьми с необходимостью становятся поверхностными, неглубокими, ибо ведь люди взаимодействуют уже не как личности, но как взаимозаменяемые товары» [Фромм 2010: 91]. Эта тенденция взаимодействия людей как товаров у Э.Елинек отчетливо просматривается как в отношениях директора фабрики и его рабочих, так и в семейной сфере. Принципом купли-продажи определяются отношения мужа и жены, что следует, например, из данных текстуальных фрагментов: «Ей дают деньги на хозяйство и даже сверх того! Он, собственно, не считает, что должен платить еще и за уютное кресло-качалку, в котором он, довольный мальчуган, убаюкивает и оттягивает свой отросток» (с.56); «За это удовольствие женщине каждый месяц выплачивают жизнь наличными, бросают с грохотом на стол, чтобы хватило поддержать огонь в очаге» (с.40). Как показывает Э.Елинек, денежные отношения пронизывают все сферы социальной жизни, даже отношения матери и ребенка напоминают финансовую сделку: «Сына не радуют причитания матери – он клянчит себе новый подарок. Подобные сделки по поводу игрушек или спортивного инвентаря – это их способ общения» (с.13).

Итак, в романе «Похоть» Э.Елинек, разрабатывая проблему личностного самоопределения, продолжает одну из главных линий своего твор-

чества. Как и в предшествующих произведениях, в «Похоти» писательница изображает современное общество через исследование отдельной семьи, при этом на первый план выдвигаются сексуальные отношения. Выявление роли сексуальности в поведении людей позволяет Э.Елинек, во-первых, вскрыть глубинные закономерности социальной жизни (в этом смысле романистка опирается на идеи З.Фрейда), а, во-вторых, выявить основы личностного самоопределения современного человека. Персонажи романа «Похоть» схематичны, безлики не только в плане внешности, но и с точки зрения внутренней наполненности. Можно сказать, что герои Э.Елинек лишены характеров, они предстают не как цельные многосторонние личности, но как однолинейные фигуры, сущность которых ограничивается половой принадлежностью, а принцип самоопределения сближается с рыночной ориентацией, описанной Э.Фроммом. Подобный подход к образам героев связан с авторским представлением об отсутствии индивидуальности в современном мире: «...великий психологический роман XIX в. по сути утратил свою функцию вследствие возникновения закрытой системы существования, которая хотя и внушает человеку, что индивидуальность возможна <...>, – но в действительности это не так. Вторая реальность уничтожила реальность первую, тривиальные массовые мифы разрушили, заменили собой действительность» [Елинек 2006в: 203].

¹ В дальнейшем ссылки на эти издания будут даваться в круглых скобках с указанием страниц.

Список литературы

Акашева Т.В. Разрушение мифов современного общества в ранней прозе Э.Елинек: автореф. дис. ... канд. филол. наук Екатеринбург, 2009. 23 с.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г.Бочаров. М: Искусство, 1986. С. 9-192.

Белобратов А. Послесловие переводчика // Елинек Э. Похоть: Роман / пер. с нем. А.Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2006. С.315-318.

Бернхард Т. Стужа: роман / пер. с нем. В.Фадеева. СПб.: Симпозиум, 2000. 490с.

Елинек Э. «Высказать невысказываемое, произнести непроизносимое...». С Э.Елинек беседует А.Белобратов // Елинек Э. Клара Ш. / под ред. А.Белобратова. М.: Kolonna Publications и Митин Журнал, 2006а. С.189-226.

Елинек Э. Похоть: Роман / пер. с нем. А.Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2006б. 320с.

Ярина Е.С. «ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ВОЗМОЖНО, И ЕСТЬ САМА ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА...»: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Э.ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»

Елинек Э. Речь на открытии Венской психоаналитической амбулатории // Елинек Э. Клара Ш. / под ред. А.Белобратова. М.: Kolonna Publications и Митин Журнал, 2006в. С.181-183.

Лейтес Н.С. Конечное и бесконечное. Размышление о литературе XX в.: Мирозидение и поэтика: учеб. пособие по спецкурсу / Пермский ун-т. Пермь, 1993. 120 с.

Фрейдентберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.Телятниковой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 635 с.

Фромм Э. Человек для самого себя / пер. с англ. Э.Спировой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 350 с.

Хайн К. Чужой друг: Повесть / пер. с нем. Б.Хлебникова. М.: Радуга, 1987. 200 с.

Fiddler A. Rewriting Reality. An Introduction to Elfriede Jelinek. Berg: Oxford/Providence, USA, 1994. 184 p.

Höfler Günther A. Vergrößerungsspiegel und Objektiv: Zur Fokussierung der Sexualität bei Elfriede Jelinek // Dossier 2. Die Buchreihe über österreichische Autoren. Band 2. E. Jelinek / Hrgb. Von Kurt Bartsch und Günther A. Höfler. Literaturverlag Droschl. Franz Nabl Institut für Literaturforschung der Universität Graz. S.155-169.

Jelinek E. Der Sinn des Obszönen // Frauen & Pornography, Konkursbuch extra / Claudia Gehrke, Tübingen o.J., 1988. S.101-103.

Jelinek E. Lust. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004. 255 S.

**“PROBABLY THE HUMAN NATURE IS DETERMINED BY THE SEX...”:
THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION IN “LUST” BY E.JELINEK**

Elena S. Yarina

Teacher of Language and Literature Education Department

The Chelyabinsk Institute of Retraining and Improvement of Professional Skill of Educators

The article deals with E. Jelinek's novel “Lust”, in which the author considers the self-identification problem traditional for her creative works. Jelinek's idea about the absence of real individuality today is implied in the novel's characters. The characters of the “Lust” are depersonalized and schematic in their appearance and inner world. They can be described as one-dimensional figures without unique features. Their personality is limited by their gender and market orientation (E. Fromm).

Key words: Austrian Literature; E. Jelinek; “Lust”; self-identification problem; system of characters; literary character.